

Дядя Вова

Вова Великанов любит животных и Маму. Мама любит Вову заимобразно, а к животным равнодушна. Собственно говоря, она равнодушна и ко всему остальному. И если бы время от времени ее не донимал волчий аппетит, она была бы, вероятно, счастливейшим существом в мире.

Аппетит играет с ней в жмурки в масштабах отдельно взятой напрокат у жизни малогабаритной, но все же вполне достаточной для явного преимущества аппетита, квартиры. Вовина Мама не умеет за ним угнаться, а он то и дело набрасывается исподтишка и из-за каждого мало-мальски габаритного предмета на пожилого человека, совершенно игнорируя его гуманитарные права, и старуха перманентно сочиняет все более убедительные петиции, взывая о защите своего человеческого достоинства в соответствующие международные правозащитные инстанции, каковые (петиции) Вова периодически отправляет как бы по назначению, а на самом деле — в мусоропровод, который (мусоропровод) уже по уши забит туманными волеизъявлениями, а потому по лунным (а равно безлунным) ночам в нем раздается какое-то настырное несытое завывание, напоминающее гуд ветра в проводах из песни "Темная ночь", слова которой Вовина Мама помнит так же хорошо, как и то, что хочет поесть моментально. Поэтому Вова пресекает непрестанную кулинарную беседу упреждающим: "Мама, ты поела?". И сознавая эту единственную свою непрременную обязанность, старуха истово рапортует: "Кушала, кушала". Хотя уверенности в сказанном не испытывает категорически.

Возвращаясь домой, Великанов застает ее то на полу, то на потолке, то на стенах, куда она забирается в поисках хлеба насущного, который преспокойно, но без всяческого аппетита, а потому совершенно безуспешно, караулит ее в окрестностях древнеегипетского холодильника "Саратов-2". Вова ссаживает Маму с какого-нибудь Пика Коммунизма в потертое залапанное кресло, присоседивается на обглоданный подлокотник и, тихонько причитая, гладит виновато склоненные ломкие седины. И не слышит ничего другого, кроме извиняющегося: "Володенька".

Да я в точности и понятия не имел, что это так, что именно "Володенька". Хотя был интуитивно убежден в абсолютной достоверности своего предположения. И, как умею, расскажу о причинах этой моей убежденности. Причины, надо заметить, курам на смех. Но что же еще никого не расшемило в этой жизни? Похороны Падди Дигнама?.. Так и оставим в по-

кое литературные знаменитости и разные прочие Айриштаун, Рингсенд и Брансвик-стрит и направимся на вечернюю Путанэнштрассе ибн Дерибасовскую. Туда, где спокон веку почетное место транспаранту: "ИСКУССТВО ПРИНАДЛЕЖАТЬ НАРОДУ". Где на каждом фонарном столбе повесилась какая-нибудь сердобольная сестра типа "Привет участникам! Олимпиада". В смысле Оля, я тоже ее знаю, в смысле тоже соучастник. Она родилась в восьмидесятом, в тот год ("кстати, о животных..."), когда и Мишка Олимпийский, и "родаки" не нашли ничего лучшего как. Но эта спортсменка олимпийского резерва уже без перспективы взойти на пьедестал того же почета. Поэтому вполне может нас тренировать. А вот когда услышал за спиной по-сиротски пронзительное: "Дядя Володя! Дядя Володенька!", стало мне как-то невтерпеж неудобно рядом с таким уж, казалось бы, родным и закадычным Великановым. И я стыдливо ускорил шаг, покуда он там с разухабистыми малолетками объяснялся, почему-то больше похожий на Деда Мороза при исполнении, нежели на лупоглазого папика при беспределе. Я тогда просто обстоятельств не знал. Кое-каких.

Вовка Великанов любит животных и Маму. Мама всегда при нем. Лежит в кармане. Он достает ее оттуда по сто раз на дню. Нажимает несколько клавиш и спрашивает: "Мама, ты поела?". Вопросит иногда с интервалом в десять минут. И Мама неизменно отвечает: "Да кушала, кушала. Сию минуту". А то вдруг сама запоет в кармане электронным голосом: "Ты меня ждешь, ты у детской кроватки не спишь...", с рефреном: "Ты скоро?". На что Великанов неизменно отвечает про производственное совещание, чем веселит всю честную компанию.

А животных у Вовы нет. И не было никогда. А очень хотелось обнимать кого-нибудь и гладить не против шерсти, поскольку его самого — не очень то. Вот он и бродит по (кругом) упомянутой "штрассе", где полно экзотической твари по паре. Для совместного фотографирования. Пойдешь направо — с питоном и вараном песнь заводишь. Налево — с бабуином говоришь. И даже с шиншиллой. Я же вам уже рассказывал, как нас по пьянке снимали с последней (то есть фотографировали, не путать), потом совали оплаченные самим же Великановым снимки, а он еще отнекивался: "Да не снимал я никакую Шиншиллу! Я тогда Олимпиаду снял!". Раз у него что-то там такое иммунолог нашел и посоветовал познакомиться с эхинацеей. "Эхинацея? Кто такая, — откликнулся Вовка, — почему не знаю?"

Думаю, из-за этой-то страсти неутоленной Фауна с Флорой к нему и прибились. Две помянутые малолетки, писючки, если называть вещи по

именам. Но если по именам, так это он, Великанов, байстрючек нарек. Потому что Фауна в девичестве звалась просто Фаиной, а Флора — соответственно Лорой. Они Вовку беззастенчиво доили по мелочам, а он им выдвигал один и тот же меморандум насчет сбережения чести смолоду. На что Фауна отвечала: "Так это — у кого есть". А Флора прибавляла: "Было бы что беречь, так берегла бы, — и после паузы, — в сберкассе". Тогда снова подхватывала ехидная Фауна: "В сберкнижке на предъявителя".

А зацепил он их хрестоматийно. Поначалу поймал меня. И давай привычно кормить, вроде паллиатива Мамы. Я, кстати (или нет), тоже хожу голодный от свежего воздуха, а не в пример старухе, которая чуть съест и тут же запомнит, что ела. В смысле — не что конкретно съела, а что этот пищенриемный процесс состоялся в принципе. "Ну что, Кубарек, — это он так нежно меня величает, — как ты насчет пожрать? Как всегда?". "Да, — говорю, — хорошо бы чего-нибудь перекусить. Горло". Ну вот. А потом до того накушались, что до шиншиллы дошло. Короче, Великанова чуть новые ментурионы не нагрели на "зелень" (и ведь без всяких тебе приятных и вместе полезных услуг), насилу отбились от рук. И от меня Вовка отбился. А после одна из этих малявок: "Мужчина, который час. Дядя, дай закурить" и все такое. И вот же везунчик: его двадцать раз уже должны были облапошить чертовки эти профессиональные, так нет же, они с ним жалостливые, поскольку насквозь видят. Знают, что у него Мама, которая всегда впроголодь. Что он и есть подлинный кормилец. Да, так он ведь всегда в номерок какой-нибудь древнеримский притащит — в гостиницу "Спартак", или "Клеопатра", или "Цезарь". А тут — домой! Маме: "Это мои сотрудницы". Мама: "Такие молоденькие?". Вова: "Практикантки". Практикантки: "Мы по направлению. Повышаем, тетенька, квалификацию". А наутро обнаружилось, что весь запас цейлонского чая умыкнули. Заготовленный Вовкой для Мамы на зиму. Что-то около килограмма. Повысили, так сказать, квалификацию в сопутствующей профессии. В общем — рецидив хронической болезни с осложнениями. А еще через недельку на "штрассе" они ему попались, да еще взялись насмеяться и рожи корчить: "Дядя Володя! Дядя Володенька! Приходи на палку чая!" и такое прочее. А что же Великанов? Ни за что не догадаетесь. Он тут же завалился в крутой супермаркет "Цейлон", набрал уж самого отборного, такого, что только на подарок, и им выносит. Шалавки подойти боялись, а он пакет на парапете подземного перехода оставил. За так. Он этот питомник потом всегда подкармливал за так. И не только этот.

Вот ведь бредем из какой-нибудь кухмистерской. Еда — она дифферен-

цированное развлечение. Олимпиады при ней не к месту. Как и прочие двухместные соревнования. К месту только Вовкина Мама, которая в кармане со своим — калорийным, а не колоритным — лейтмотивом. Да, так вот бредем это мы устало, "сыто отдуваясь и удовлетворенно цыкая зубом". Вовик готовится к депортации из центра на обочину города, домой то есть. То есть, пора Маме есть. Как вдруг "вне моего пути, но вслед за тем, как у меня дорогу разузнала" на горизонте — два "погибших, но милых создания", то есть две созданий, явно в прогаре, как принято говорить, невостребованные равнодушным социумом. Безучастно присели на терраске второразрядной кафешки, пригорюнились так, что сердце кровью обливается ("У кого есть", — как говорит Фауна). Завидев Великанова, растеклись, расслоились, расплавились не улыбкой даже, нет, гримасой, пожалуй, глаза только одни лучезарные. И Вовка энергично тащит всех в "Сосульку", где отогреваемся тем более. И он же, елки-палки, снова похож на лучшую из версий Деда Мороза. "Погибшие" по собственному выбору заказывают пионерские напитки (они же на работе!) и непредумышленно строят мне глазки (они же в образе!). Болтаем совершенно по-человечески, без задней мысли. Вношу предложение организовать Городской клуб девственниц имени Надежды Константиновны Крупской. "Но милые" предлагают Сару Бернар или Жорж Санд. Вспоминаю вслух, что мой товарищ Феликс К. заведомо выдвинул две другие кандидатуры: Анны Зегерс и Инессы Арманд. Вова голосует за Фанни Каплан. Наверное потому, что в его терминологии она тоже Фауна. Я вспоминаю о Розе Люксембург и Кларе Цеткин. Великанов мимоходом констатирует: "Что-то Мама давно не звонила". Принимаем еще по сотке "Немирова". "Погибшие" явно похорошели в моих глазах. Одна скандирует за мной, будто стихи повторяет: "То бишь, любишь, говоришь?". Другая что-то высматривает на противоположной стороне сквозь оконный витраж: "Из подворотни вышло четыре лица кавказской национальности...". Вова: "Что-то Мама...". "Но милые" повествуют о предыдущей ночи: всю дорогу гудели с какими-то прибалтами, вместо того чтобы. А те острили этак своеобразно, специфически. Комментирую: "Насильственно извлекаемые из трусов шуточки?". "Но милые": "Они тут чего-то строят. Из говенного силикатного кирпича". Я: "А что, он летает хуже огнеупорного?". Вова: "Что-то Мама...". Поем: "У Дяди Вовы в саду созрели вишни... А Дядя Вова с Тетей Олей нынче в бане...". Да здравствует безответственность! "Немиров" давно принял бутылочную форму, а голова квадратную. "Погибшие": "Жрала б... Жалость... Жало я... Да кружком говно лежалое...". Я: "Мир. Труд. Май-онез...". Вова: "Что-то... давно не...".

Откуда взялись Фауна с Флорой, Бог весть. Размахивают руками перед Вовкиным носом, который в форме баклажана (закусочный вариант) и по цвету приближается к нему же. Что-то такое несут они, как им и положено, нечленораздельное. Великанов подхватывается взрывообразно. Сформировавшееся мигом радиоактивное облако срывает с насидевших насестов и нас, мы едем-едем-едем в далекие края. Все вместе, то есть получается вшестером. Как только в машину втиснулись. Впрочем, я не вполне уверен, что это было. В смысле — какое транспортное средство. Но вот же именно тот случай, когда все средства хороши. Мы везем с собой кота, чижика, собаку и прочую скотинку... А Мамы дома таки да нет. Нигде. По всему периметру квартиры. По всей полезной площади, включая железобетонные стены и балкон. Парочка из флористическо-фаунистического питомника: "Мы на огонек зашли, а тут...". Сознание вернулось ко мне внезапно, и я направил курвятник в полном составе на все четыре стороны. То есть, мы пошли искать по всем направлениям. Без особой, вообще говоря, надежды. Не говоря уже об остальных "белых подругах". Часа через полтора безрезультатно сошлись близ парадной — как тот злой волшебник из "Алладина", которого сначала послали на все четыре стороны, а после все эти четыре ипостаси склеились в одну злостную прежнюю. И немедленно выпили. Потому что "погибшие" сказали: "Да какая сегодня, к черту, работа...". А "но милые" прибавили: "И вообще... Ну ее в жопу... Работу в смысле...". Я сказал: "Бедный Вовик". Прозвучало как "Бедный Йорик".

Зато наверху застали мизансцену поистине душераздирающую. В кухне, прямо на цементном полу, задрапированном одним жалким коммунальным линолеумом, сидела другая сладкая парочка — Великанов с Мамой. Сидели, привалившись друг к дружке, и гладили друг друга по никудышным, прямо скажем, прическам. "В кладовке нашел, — с хрипотцой выдал Вовка, — думала, это такой большой холодильник". Вовкина Мама мельком глянула на нас: "А, практиканты...". И снова уткнулась в Великановское плечо: "Володенька...".

Я ведь знал, знал!..

Владимир ГРИДИН

Бывшему актеру, эмигранту и лагернику — Виктору Михайловичу Л а р и н у

Светлячки

Рассказ

И все-таки, все-таки впереди огни!
В.Г. Короленко

Кто из писателей заметил, что приказ всегда приходит неожиданно?

Я вспомнил Виктора Некрасова, когда мне позвонили и почти категорически предложили: надо ехать на поле. Пожалуйста... выручай, мол, коллектив!

Действительно, это как гром с ясного неба. Тут ты распределил свой завтрашний день, все твоё существо уже нацелено на то или другое дело. И сидишь накануне под телевизором хоть и расслабленно, но уже обреченно.

А такая телефонная встряска — ей-богу, не легче фронтового пакета, к тому же — не об отступлении, как было там, в романе про Сталинград, а поистине — о наступлении. Раз нужно быть на огороде — на том коллективном поле, где разбиты наши участки. И быть в качестве самом уязвимом — сторожа!

Да, ведь там воруют. Кто-то приходит и копает то картошку, то бурки с луком. Чтобы это предотвратить, оборудовали сторожевой пост — в форме контейнера, который специально завезли на край поля и обставили всем необходимым — от спальных мест до лесенки, чтобы лезть на крышу и наблюдать с нее за десятком участков с разными насаждениями, пусть и весьма хилыми...

Правда, раньше считалось, что в таком контейнере будет сидеть специально нанятый человек — из местных жителей, что ли, который и знает каждого возможного вора — из своих же — и которому за это хорошо вроде бы платят — теми деньгами, что уже собирали среди нас, членов Ассоциации. И даже не раз доводилось видеть и слышать, как у раскрытых створок контейнера кто-то копошится и громко отзывается. Ну, так в чем же дело — сорвалось ли это?

"Выручай, пожалуйста... — стояла в моих ушах просьба того, кто ведал огородами нашей Ассоциации — из сборища гулаговских жертв и их близких. — Так получилось... Надо завтра в поле — и с ночевкой. Не откажи, дорогой!"